

МЫСЛИ О РОССИИ

О хозяинѣ моей берлинской квартиры я не знаю ничего кромѣ того, что контуженный на войнѣ, онъ находится, и вѣроятно до конца своихъ дней будетъ находиться въ домѣ для душевно-больныхъ и умалишенныхъ.

Въ этомъ случайномъ эмпирическомъ обстоятельстве вполнѣ бесплодно, конечно, искать какого-то существеннаго смысла. Я могъ бы такъ же попасть въ квартиру покойника или больного чахоткой; такихъ квартиръ сдается въ Берлинѣ вѣроятно не одна... Все это такъ, и все же сидя поздно по вечерамъ за письменнымъ столомъ безумнаго человѣка, который сидитъ за рѣшеткой «въ часѣ ъзды» отъ меня, и считая себя вполнѣ нормальнымъ, протестуетъ передъ своими близкими противъ моего пребыванія въ его квартирѣ, — я чувствую себя иногда очень и очень странно. И дѣйствительно, почему-бы моему безумному хозяину не сидѣть у себя дома за своимъ письменнымъ столомъ? Кто знаетъ въ наши дни твердую норму разума? Я увѣренъ — никто! И даже больше. Я увѣренъ, что только въ сотрудничествѣ съ безуміемъ можетъ человѣческой разумъ разгадать все, что сейчасъ происходитъ въ душѣ и сознаніи человѣчества; только обезумѣвшій разумъ сейчасъ подлинно разумъ, а разумъ разумный такъ — слѣпота, нустота, глупость. Быть можетъ мой невѣдомый хозяинъ, принесшій съ войны выстрадалъ все разрушать и уничтожать вокругъ себя, глубже выстрадалъ и постигъ сущность войны, чѣмъ я, сохранившій возможность думать и писать и о ней, и о революціи, и о разумѣ того безумія, о которомъ онъ не пишетъ, но отъ котораго умираетъ. Если такъ, то мое оправданіе передъ нимъ можетъ заключаться только въ одномъ: — въ утвержденіи для себя его безумія какъ нормы моего разума, изъ вечера въ вечеръ работающаго за его осиротѣвшимъ письменнымъ столомъ.

Я хорошо знаю въ себѣ чувство, родящее меня съ моимъ безумнымъ хозяиномъ. Я не сокрушаю, конечно, никакихъ падающихъ мнѣ подъ руку вещей, такъ какъ никогда не ходилъ въ рукопашную, не работалъ штыкомъ и ручными гранатами, но зато часто погружаю весь окружающій меня міръ въ небытіе, словно спускаю надъ нимъ артиллерійскую «дымовую завѣсу». Все это я впрочемъ конечно не столько дѣлаю, сколько испытываю. Многое, что раньше было жизнью и реальностью, душа больше не принимаетъ ни за реальность, ни за жизнь.

Скоро три мѣсяца, какъ я въ Берлинѣ, но дымовая завѣса не разсѣивается. Улицы и дома, гудки автомобилей и звонки трамваевъ, огни въ сырой вечерней мглѣ и толпы куда-то сибѣшащихъ людей, все — вплоть до многихъ старыхъ знакомыхъ, со звуками ихъ голосовъ и смыслами ихъ словъ и взоровъ — все это, здѣшнее, не принимается душою какъ настоящая жизнь, какъ полновѣсное бытіе. Почему? — Для меня понятенъ только одинъ отвѣтъ. — Потому что вся здѣшняя «европейская» жизнь, при всей своей потрясенности, все еще держится нормою разума. Душа же, за пять послѣднихъ лѣтъ русской жизни, окончательно сросла въ себѣ ощущение бытія и безумія въ одно неразрывное цѣлое, окончательно превратила измѣреніе безумія въ измѣреніе глубины; опредѣлила разумъ какъ двумѣрность, разумную жизнь, какъ жизнь на плоскости, какъ плоскость и пошлость, — безуміе же какъ трехмѣрность, — какъ качественность, сущность и субстанцію какъ разума, такъ и бытія.

Всѣ годы большевистскаго господства я прожилъ въ деревнѣ. Зима 19—20 года была совершенно фантастична. Мы голодали въ самомъ недвусмысленномъ смыслѣ этого слова. Къ обѣду каждому изъ нашей «трудо­вой» семьи въ десять человекъ полагалось по тарелкѣ «брандахлысту» (супъ изъ свекольной ботвы), по пяти картошекъ безъ соли и по три овсяныхъ лепешечки пополамъ съ крапивой. Улучшалось питаніе только тогда, когда въ хозяйствѣ случалось несчастіе. Такъ однажды мы съѣли сдохнувшую свинью, оптимистически предположивъ, что она сдохла съ голода, и нашу удавившуюся на арканѣ лошадь. О настоящемъ черномъ хлѣбѣ не было конечно и рѣчи. Огощавшія коровы всю зиму не доили. И на душѣ у всѣхъ насъ стояло предчувствіе пасхальнаго звона: «на шестой, на страстной, Богъ дастъ, отелятся!»

Сбрая, крестьянская Россія умирала съ голоду, но красная, пролетарская воевала. Старики и дѣвки, болѣя и пропадая безъ вѣсти раза по два въ мѣсяць ѣздили за хлѣбомъ на югъ. Ихъ сыновья и братья встрѣчали поѣзда въ штики и отбирали послѣднюю корку у умирающихъ съ голоду.

Какъ военспецъ, я былъ призванъ на военную службу; какъ тяжело раненый въ царскую войну, назначенъ на тыловую должность; какъ писатель и бывший фронтовикъ, ничего не понимающій въ административно-хозяйственныхъ дѣлахъ, любезно переступленъ Троцкимъ Луначарскому на предметъ производства пролетарской культуры.

Производить эту пролетарскую культуру, т. е. участвовать въ Государственномъ показательномъ театрѣ, въ постановкахъ Шекспира, Метерлинка, Гольдони, Андреева и во всѣхъ своихъ выступленіяхъ въ театрѣ и студіяхъ открыто и успѣшно отстаивать идею національной революціи въ противовѣсъ идеѣ пролетарскаго интернаціонала, я и ѣздилъ время отъ времени изъ своей глуши въ Москву, таща съ собою картошку, овсянку, капусту, дрова, и, наконецъ салазки, чтобы доставить все это съ вокзала домой.

Двадцать верстъ до станціи на голодной старой лошади, единственной, оставшейся послѣ реквизиціи, и поминутно заваливающейся въ сугробы, ѣдешь четыре, пять часовъ. Поѣздъ отходить въ шесть утра. Станція никакъ не освѣщается; получаемый керосинъ станціонное начальство естественно мѣняетъ на хлѣбъ. Въ этомъ все счастье. — Я везу съ собою огарокъ, предоставляю его безпомощной въ темнотѣ кассиршѣ и за это требую внѣочередные билеты, а то не достанешь.

Медленно подходящаго одноглазаго поѣзда мы съ женой ждемъ со страхомъ и сердцебіеніемъ; въ скотскій вагонъ безъ лѣсенокъ вскарабкиваемся и втискиваемся каждый разъ почти съ мордобитіемъ. На Окружной, за семь верстъ до Москвы, вылѣзаемъ, и, озираясь какъ воры, быстро двигаемся въ обходъ, чтобы милиціонеры не отобрали картошку и дрова, эту минимальную базу всякой духовной дѣятельности.

Московская квартира, — когда-то исполненная молодой, талантливой, разнообразной жизни — холодная, сырая, вонючая, полна какихъ то непонятныхъ и чуждыхъ другъ другу людей.

Въ бывшей столовой проживаетъ хромая армянка - вѣдьма, систематически крадущая у всѣхъ провіантъ и все время кричащая, что ее обкрадываютъ. Въ задней комнатѣ, въ одно, упирающееся въ стѣну сосѣдняго дома окно, грязное, забрызганное, словно заплывающее туберкулезной мокротой, — прозябаетъ

какая то одинокая старуха-нѣмка. Въ комнатѣ жены веселится восемнадцатилѣтняя дочь нашей бывшей горничной, узломордая, крѣпкокостная, напудренная «совбарка», — и среди всего этого міра, въ единственной все еще четко прибранной комнатѣ, ютится запуганная, но не сдающаяся представительница «прежней жизни», красивая, строгая, педантичная тетушка, которая «ничего не понимаетъ и ничего не принимаетъ».

Я цѣлыми днями пропадаю въ театрѣ. Жена ухаживаетъ за заболѣвшей нѣмкой. Нѣмка заражаетъ ее; она, въ свою очередь, заражаетъ свою тетку. Сама больная, она ухаживаетъ за обѣими больными; зоветъ доктора: — у обѣихъ испанка, осложненная воспаленіемъ легкихъ. Температура 40°, нужна камфара. Камфары нѣтъ. Знакомые черезъ Каменева достаютъ ее для насъ въ Кремлевской аптекѣ. Но еще нужно тепло, нужны дрова. Дровъ у насъ также нѣтъ, какъ камфары. Мы съ женой ночью взламываемъ чужой сарай и выкрадываемъ изъ него дрова, чтобы спасти умирающихъ.

На утро я опять въ театрѣ, въ который всѣ: — актеры, режиссеры и рабочіе пришли не только отъ такой-же, но зачастую и худшей жизни, чѣмъ моя, — однако въ немъ все же звучать прекрасныя Шекспировскія слова, горять бенгальскіе, актерскіе темпераменты, дрожать отъ холода бритыя челюсти, по старымъ навѣкамъ штампуются романы и невѣроятно патетически обсуждаются мѣропріятія противъ упорнаго запозданія и безъ того грошоваго жалованія.

Выбирается делегация къ Луначарскому. Въ десять часовъ вечера я вмѣстѣ съ еще тремя «делегатами» впервые вхожу въ большевистскій Кремль.

Въ Боровицкихъ воротахъ провѣрка пропусковъ. Звонокъ къ Луначарскому. Его отвѣтный звонокъ въ комендатуру. За воротами совершенно иной міръ.

Яркій электрическій свѣтъ, чистый дѣвственный снѣгъ, здоровыя солдатскія лица, четко пригнанные шинели, — чистота и благообразіе.

Пузатія колонны Потѣшнаго дворца. Отлогая, тихая лѣстница. Старорежимный сѣдой лакей въ галунахъ съ очаровательно-подобострастной спиной. Большая передняя. Грандіозная, жарко топящаяся голландская печь. Дальше — залъ, устланный ковромъ и прекрасные звуки струннаго оркестра.

Выясняется что произошла ошибка. Мы должны были обратиться на квартирѣ Луначарскаго лишь на слѣдующій день къ десяти часамъ утра.

Когда я прихожу домой, жена встрѣчаетъ извѣстіемъ, что безродная нѣмка скончалась.

Ближайшіе дни проходятъ въ хлопотахъ о погребеніи. Оказывается, что быть похороненнымъ въ Совѣтской Россіи гораздо труднѣе, чѣмъ быть разстрѣляннымъ.

Удостовереніе домового комитета, право и очередь на покупку гроба, разрѣшеніе на рытье могилы, «преступная» добыча пяти фунтовъ хлѣба на оплату могильщика — все это требуетъ не только времени, но и какой то новой, «совѣтской» изворотливости.

Мы хлопочемъ объ умершей съ величайшимъ напряженіемъ, но упорнѣ насъ хлопочуть надъ трупомъ совершенно ошалѣвшія отъ голода крысы. Когда въ нашихъ рукахъ оказываются наконецъ всѣ пропуска и разрѣшенія, у злосчастной нѣмки оказываются сожранными щеки и ступни.

Черезъ нѣсколько дней назначается открытая генеральная репетиція «Мѣры за Мѣру». Геніальная пьеса идетъ въ общемъ совсѣмъ хорошо. Главныя сцены Анжело съ Изабеллой звучатъ сильно и умно; и все же, невѣроятно чуткая ко всему современному, ибо наполовину своего состава молодая, солдатская и пролетарская аудитория наиболѣе дружно откликается на безсмертныя сцены шута съ палачемъ.

Я сижу и чувствую, что рѣшительно ничего не понимаю, что Россія входитъ въ какой то свой особенный часть, быть можетъ — въ разумъ своего безумія.

Послѣ буйнаго помѣшательства коммунистической Москвы — снова тихое безуміе деревенской жизни. Въ валенкахъ выше колѣнъ, въ шлемѣ и напульсникахъ я сижу и цѣлыми днями пишу романъ: письма изъ Флоренціи и Гейдельберга. Просидишь часъ, просидишь два, потомъ невольно встанешь и подойдешь къ наполовину замерзшему окну. За окномъ ни времени, ни жизни, ни дороги — ничего... Одинъ только снѣгъ; вѣчный, русскій, такой-же, больше, — тотъ-же самый, что лежалъ здѣсь и двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда смотрѣлъ на него изъ моего окна бывший владѣлецъ «бывшаго» нашего имѣнія, старый генералъ Козловскій...

Всѣ годы прожитыя въ большевистской Россіи я чувствовалъ себя очень сложно. Всѣмъ существомъ отрицая большевиковъ и ихъ кровавое дѣло, не будучи въ силахъ указать гдѣ-же и въ чемъ-же ихъ достиженія, я все-же непосредственно чувствовалъ небывалый размахъ большевизма. Постоянно возражая себѣ самому, что небывалое — еще не бытіе, невѣроятное, — еще не достойное вѣры, разрушеніе — еще не творчество и

количество — не качество, я все-же продолжалъ ощущать октябрьскую революцію какъ характернѣйшую національную тему.

Но одновременно съ этимъ, изъ совсѣмъ другихъ какихъ-то источниковъ, все время вскидала въ душѣ страшная госка по отошедшей Россіи. Все кругомъ наводило на мысли о ней. Куда ни двинься — всюду умученныя имѣнія: зря срубленные лѣса, никого не радующіе парки и пруды, ни для чего не пригодные громадныя разваливающіяся дома, заклеенныя декретами колонны, охаянныя, ославленныя церкви, покосившіеся амбары, растасканныя службы, — а кругомъ равнодушная крестьянская толпа, которой еще годы и десятки лѣтъ не понять, что все это не только вражье барское богатство, но и подлинная народная культура, и, пока что, въ сущности единственная, что была рождена и взлелѣяна на Руси.

Вмѣстѣ съ печалью по Россіи часто вставала надъ душой — и госка по далекой Европѣ. Международный вагонъ представлялся мистеріей. Временами въ безконечныхъ просторахъ памяти всплывали облачныя воспоминанія запаховъ: Гейдельбергской весны — цвѣтущихъ каштановъ и липъ; Ривьеры — моря, скалиптовъ и розъ; большихъ библиотекъ — кожи, пыли и вѣчности. Все это было почти невыносимо по силѣ чувства и по чувству боли. И хотѣлось, страстно хотѣлось бросить все, забыть все и . . . оказаться въ Европѣ.

Человѣческое сознаніе многомѣрно и не каждый человѣкъ хочетъ того, что ему хочется. Мнѣ часто хотѣлось оказаться въ Европѣ. Но всею своею волей и всѣмъ своимъ сознаніемъ борясь въ себѣ противъ этого своего «хочется», я всѣ годы большевистскаго режима опредѣленно «хотѣлъ» оставаться въ Россіи и въ отношеніи себя, во всякомъ случаѣ, не одобрялъ идей эмиграціи.

Бѣжать отъ страдающей Россіи въ благополучіе Европы. Войти въ тихую жизнь маленькаго нѣмецкаго городка и отдать-ся вѣчнымъ философскимъ вопросамъ представлялось прямымъ нравственнымъ дезертирствомъ. Да и возникали сомнѣнія: — возможна-ли вѣчная философія на путяхъ обывательскаго бѣгства отъ тяготы и страданій «исторической» жизни; время-ли заниматься беспредпосылочною философіей, когда смерть всюду обнаруживается страшною предпосылкою жизни и смысла.

Бѣжать же въ Европу не въ цѣляхъ своего личнаго спасенія, но въ цѣляхъ спасенія Россіи отъ большевизма, бѣжать въ добровольческой станѣ подъ бѣлыя знамена царскихъ генера-

ловъ, этого душа никакъ не принимала. Съ самаго начала было до безнадежности ясно, что внѣшнему объединенію безпредметной, офицерской доблести, политической безыдейности «бывшихъ людей» и союзнической корысти никогда не избавить Россіи отъ большевизма. Не избавить потому, что большевизмъ совсѣмъ не большевики, но нѣчто гораздо болѣе сложное и прежде всего гораздо болѣе *свое*, чѣмъ они. Было ясно, что большевизмъ — это географическая безкрайность и психологическая безмѣрность Россіи. Это русскіе «мозги набекрень» и «исповѣдь горячаго сердца вверхъ пятами»; это исконное русское «ничего не хочу и ничего не желаю», это дикое «улюлюканье» нашихъ борзятниковъ, но и культурнический нигилизмъ Толстого во имя послѣдней правды и смрадное богоисканіе героевъ Достоевскаго. Было ясно, что большевизмъ — одна изъ глубочайшихъ стихій русской души: не только ея болѣзнь и ея преступленіе. Большевики же совсѣмъ другое: всего только разсчетливые эксплуататоры и потакатели большевизма. Вооруженная борьба противъ нихъ всегда казалась бессмысленной — и безцѣльной, ибо дѣло было все время не въ нихъ, но въ той стихіи русскаго безудержа, которую они осѣдлали, — осѣдали, которую шпорить, — шпорили, но которой никогда не управляли. Имитаторы русской правды, узурпаторы всѣхъ святыхъ лозунговъ, начиная съ величайшаго: «долой кровопролитіе и войну», обезьяны въ жокейскихъ фуражкахъ, они никогда не держали въ своихъ рукахъ поводій событій, а всегда только сами кое-какъ держались за пылающую гриву несущейся подъ ними стихіи. Историческая задача Россіи въ изжитые нами годы, въ годы 1918—1921, заключалась не въ борьбѣ съ большевиками, но въ борьбѣ съ большевизмомъ: съ *разнузданностью нашего безудержа*. Эту борьбу нельзя было вести никакими пулеметами, ее можно было вести только внутренними силами духовной сосредоточенности и нравственной выдержки. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось мнѣ съ первыхъ же дней побѣды большевиковъ. Что же оставалось дѣлать? — Оставаться въ Россіи, оставаться съ Россіей и не будучи въ силахъ какъ либо внѣшне помочь ей, нести вмѣстѣ съ ней и во имя ея всѣ муки и всѣ ужасы лихой полосы ея жизни. Люди практики, люди политики вѣроятно отвѣтятъ мнѣ, что это бессмыслица. Но во первыхъ я не практикъ и не политикъ, а во вторыхъ развѣ сыну надо быть обязательно врачомъ, чтобы не покидать постели своей умирающей матери?

Въ августѣ прошлаго года весь міръ описанныхъ мною мыслей и чувствъ былъ совершенно внезапно упрощенъ предпріаніемъ Г. П. У. покинуть предѣлы Россіи. Въ первую минуту полученія этого извѣстія оно прозвучало (если отвлечься отъ совсѣмъ личныхъ чувствъ и обстоятельствъ) радостью и освобожденіемъ. Запретное «хочется» по отношенію къ Европѣ и всѣмъ соблазнамъ «культурной» жизни становилось вдругъ не только не запретнымъ, но фактически обязательнымъ и нравственно оправданнымъ: не ѣхать же въ самомъ дѣлѣ вмѣсто Берлина — въ Сибирь. Грубая сила (этотъ опытъ я вынесъ еще съ войны) лучше лѣкарство противъ всѣхъ мукъ сложнаго *многомѣрнаго* сознанія. Не имѣть возможности выбирать, не располагать никакой свободой иногда величайшее счастье. Это счастье я опредѣленно пережилъ, заполняя въ Г. П. У. анкеты на предметъ выѣзда за границу.

Но вотъ все было улажено. Паспорта лежали въ карманѣ. До отъѣзда оставалась недѣля. Каждый день мы съ женой ходили къ кому нибудь прощаться. Ходили по всей Москвѣ: со Смоленскаго рынка на Солянку, съ Мясницкой къ Савеловскому вокзалу, и странное, трудно передаваемое чувство съ каждымъ днемъ все больше и больше укрѣплялось у насъ въ душѣ: чувство возвращенія намъ нашей Москвы, Москвы, которую мы уже длго не видали, какъ будто совсѣмъ потеряли и вдругъ снова нашли. Въ этомъ новомъ чувствѣ нашей Москвы снова торжествовала свою побѣду вѣчная діалектика человеческого сердца, которое окончательно овладѣваетъ предметомъ своей любви всегда только тогда, когда его терять.

День отъѣзда былъ вѣтренный, слякотный и мозглый. На темной платформѣ Виндавскаго вокзала передъ неосвѣщенными окнами дипломатическаго вагона стояли родные, друзья и знакомые, пріѣхавшіе проводить насъ въ дальній и совсѣмъ еще неизвѣстно куда ведущій путь.

Раздался свистокъ; поѣздъ медленно тронулся; кончилась платформа, — потянулись вагоны; кончились вагоны, — поѣжали дома, улицы; затѣмъ поля, дачи, лѣса, и наконецъ деревни: одна за другой близкія, далекія, черныя, желтоглазыя, но всѣ сирія и убогія въ безучастныхъ, снѣжныхъ поляхъ.

Подъ окномъ мелькаетъ шлагбаумъ. Куда-то вдаль подлѣ темную, лѣсную полосу отбѣгаетъ, вращаемое движеніемъ поѣзда, черное по бѣлому снѣгу шоссе. И въ сердцѣ вдругъ — о страшное воспоминаніе 19-го года — зажигается непонятная мечта не стоять у окна несущагося въ Европу поѣзда, а трусомъ плестись въ розвальняхъ по этому неизвѣстно куда бѣгущему, грязному шоссе.

Пока, стоя у окна, я мысленно ѣду по неизвѣстному мнѣ шоссе почему то къ себѣ домой, въ моей памяти одна за другой возникаютъ картины прожитой жизни, картины въ свое время какъ то недостаточно оцѣненные въ ихъ большомъ и положительномъ значеніи.

Вспоминается группа деревенской молодежи, съ которой наше «трудовое хозяйство» всѣ самые голодные годы занималось предметами, философій и театромъ, готовя ихъ къ поступленію на «Рабфакъ», читая лекціи о Толстомъ и Соловьевѣ и ставя съ ними Островскаго и Чехова. Вспоминается ихъ изумительная энергія, непонятная работоспособность, совершенно чудовищная память, для которой пустякъ въ 3—4 дня среди тяжелой крестьянской работы выучить громадную роль и прочесть толстую, трудную книгу; — ихъ горячій энтузіазмъ знанія, ихъ быстрый, духовный ростъ, ихъ страстная жажда познать окружающую жизнь и все это въ какомъ то новомъ гордомъ чувствѣ призванныхъ и законныхъ хозяевъ жизни. При этомъ однако ни тѣни заносчивости, наоборотъ, — величайшая скромность и трогательнѣйшая благодарность. Въ самую горячую пору приходили они по праздникамъ «откосить» намъ за преподаванія имъ геометрію, алгебру и нѣмецкій языкъ. Назвать эту молодежь большевистскою было бы конечно совершенно невѣрно, но все-же: — появилась-ли бы она въ деревнѣ и безъ большевистской бучи — еще очень и очень большой вопросъ.

Вспоминается и другое. Низкая, темная жаркая чайная. На стѣнахъ обязательные портреты Ленина и Троцкаго. Терпкій запахъ махорки и овчины. Все полно народу. Много сѣдыхъ, кудрястыхъ головъ и бородъ. Молодой, развязный, но очевидно глупый уѣздный агитаторъ хлестко и задорно ведетъ антицерковную агитацію. «Никакого безсмертія души, товарищи, быть не можетъ, акромья объѣна круговращенія. Сгниетъ человѣкъ, удобрить землю и вырастетъ на могилѣ къ примѣру сказать — кустъ сирени».

«Дуракъ», прерываетъ оратора сильный голосъ стараго кузнеца, «да скажи ты мнѣ на милость, какая-же для твоей души можетъ быть разница, быть ей навозомъ или быть кустомъ... Кустомъ, да этакое безсмертіе и сорока на хвостъ унесетъ». Вся чайная громко хохочетъ и явно одобряетъ кузнеца. Но молодой ораторъ не смущается. Быстро мѣняя тему онъ такъ же развязно продолжаетъ:

«Опять говорю я, церковь; какая такая можетъ быть святая церковь, когда извѣстно въ государствѣ россійскомъ каждый третій полъ пьяница».

«А хоть-бы и всё», снова вступается кузнецъ, протискиваясь, очевидно для убѣдительности ближе къ оратору. — «Ты вотъ во что вникни, — кто въ попѣ пьетъ. Если человѣкъ выпьетъ, этотъ грѣхъ ему завсегда простится, мы же въ батюшкѣ не человѣка чтимъ, а санъ. Что мнѣ за дѣло ежели портки поповскіе напьются, была бы ряса трезва, такъ-то милый!»

Приѣзжій ораторъ окончательно убитъ. Чайная въ полномъ восторгѣ. Кузнецъ побѣдоносно возвращается къ своему столу и всюду слышны голоса: «ну, и дядя Иванъ, въ лоскъ... Ей Богу въ лоскъ».

Спору нѣтъ, большевикъ въ дуракахъ, но большая и спорная тема: не въ спорѣхъ ли съ большевистскою жизнью окрѣпъ доморощенный умъ кузнеца Ивана...

Небольшая писательская квартира, падитъ желѣзная печка, холодно. Кто въ драповомъ пальто, кто въ фуфайкѣ, многіе въ валенкахъ. На чайномъ столѣ ржаной символъ прежнихъ пироговъ и печеній и изобрѣтеніе революціи, керосиновая свѣча. Въ комнатѣ почти вся философствующая и пишущая Москва. Иногда до 30—40 человѣкъ. Жизнь у всѣхъ ужасная, а настроеніе бодрое и въ корнѣ, по крайней мѣрѣ, — творческое, во многихъ отношеніяхъ, быть можетъ, болѣе существенное и подлинное, чѣмъ было раньше въ мирные, рыхлые, довоенные годы.

Весь вагонъ давно спитъ, лишь мы съ женой стоимъ у окна. Я смотрю въ черную ночь и страницу за страницей листаю свои воспоминанья за пять безумныхъ лѣтъ. И странно, чѣмъ дальше я листаю ихъ, тѣмъ дальше отодвигается отъ души приближающаяся ко мнѣ разумная Европа, тѣмъ значительнѣе вырисовывается въ памяти удаляющаяся отъ меня безумная Россія.

Ф. Степунъ.